

- John Biguenet. — London; Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
24. *Дильтей В.* Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе / пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
25. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.
26. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988.
27. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2002.
28. *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995.
29. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. — М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001.
30. *Баркова Э.В.* Пространственно-временной континуум как форма целостности культуры: к постановке проблемы // В диапазоне гуманитарного знания. Сб. к 80-летию профессора М.С. Кагана. Серия «Мыслители», Вып. 4. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/barkova/kagan_14.html

УДК 008
ББК 71.0

Е.Н. СУВОРКИНА

МИР ДЕТСТВА В ПРОЕКЦИИ КОНЦЕПЦИИ ОБЛАСТНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ГНЕЗД Н.К. ПИКСАНОВА И ИДЕЙ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

В контексте проекции теории областных культурных гнезд Н.К. Пиксанова на феномен детства рассмотрена возможность создания такой модели-метафоры как «культурное гнездо». Показано, что Мир детства, как и Мир провинции, может быть противопоставлен «центру» — Миру взрослых и столице. В проекции идей И.И. Срезневского осуществлено сравнение субкультуры детства с государством, стремящимся к самостоятельности, имеющим право на свой язык и традиции.

Ключевые слова: детство, культура детства, областничество, Н.К. Пиксанов, культурное гнездо, творческая личность, Мир детства, Мир взрослых, провинция, столица, И.И. Срезневский, фольклор, детский фольклор.

В культурологической теории детства, краеведческой концепции областничества Н.К. Пиксанова и филологической позиции слависта И.И. Срезневского, на первый взгляд, едва ли возможно найти точки соприкосновения. Однако это затруднение имеет место в случае буквальной и автономной интерпретации каждой из парадигм, без попытки к взаимному соотношению результатов, рассмотрению их в синтезе. В России ориентация историографии на изучение местности возникла в 20-е годы XIX века, сменив «карамзиновские» традиции, которые основывались на идее воссоздания истории Российского государства посредством описания жизни царей и столиц. «Антикарамзинский» подход базировался на обращении к истории народа, к истории отдельных областей. Немаловажное значение, определившее данные изменения, имело историографическое течение во Франции, получившее название «цвет местности». Его базовая идея заключалась в том, что местность обладает

своеобразием, уникальностью, собственным «колоритом». Кроме того, такое явление центробежности было во многом обусловлено и развитием романтизма как направления философии, искусства, литературы. Его центральная фигура — человек-бунтарь, по натуре мечущийся, бегущий от настоящего, главным образом в прошлое. Это человек, который намеренно покинул свет и обратился к прекрасному удаленных провинциальных мест.

В историографии получают развитие различные теории изучения местности, в совокупности получившие наименование «областничество». К историкам-областникам следует отнести, например, А.П. Щапова, Н.И. Костомарова, Д.И. Иловайского. Усиление позиций областничества было обусловлено также наличием славянофильских идей, в частности, об уникальности России, ее особенного исторического пути. Но К.С. Аксаков зафиксировал факт неприятия и непонимания понятия «русское воззрение». Оно было расценено обществом как лишнее: «Воззрение

должно быть общечеловеческое! Какой смысл может иметь русское воззрение?» [1, с. 197].

В свою очередь К.С. Аксаков, оппонировав, указывал: «Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение — значит лишить его участия в общем деле человечества» [1, с. 197]. Но публицист видел, что это право отсутствует; кроме того, еще большую проблему составляла неразвитость, несформированность этого феномена. Он писал: «А именно этой-то народности, этого-то самобытного воззрения и недостает нашей умственной деятельности; а оттого, что в ней нет народности, нет в ней и общечеловеческого <...> Мы, русские, ничего не сделали для человечества именно потому, что у нас нет, не явилось, по крайней мере, русского воззрения [1, с. 197—198].

Относительно 20-х годов XX века можно отметить, что областничество нашло свое точное концептуальное выражение в теории Н.К. Пиксанова — русского филолога, историка, литературоведа. Здесь, чтобы понять, в каких социокультурных условиях создавалась теория Н.К. Пиксанова и что было ее идейной основой, необходимо несколько слов сказать о том времени — каково оно было для ученых-краеведов.

Несмотря на потрясения, связанные с революцией и последовавшими изменениями в различных сферах жизни, 20-е годы XX века в краеведении принято считать «золотыми». В это десятилетие была проведена колоссальная работа, главным образом, по сохранению частных архивов и коллекций бывших владельцев усадеб и квартир, предметов интерьера, экстерьера, библиотек, которые легли в основу фондов различных музеев.

Как резюмирует С. Шмидт, «организация дела спасения их (памятников культуры. — Е.С.), возникновение новых музеев и объединений общественности — в значительной мере заслуга именно краеведов» [2, с. 16]. Без их усилий многое было бы утеряно. И. Гревс с горечью замечал: «Когда едешь по градам и весям родной страны в годы, последовавшие за потрясениями революции и гражданской войны, сам собою начертывается мрачный мартиролог погибших памятников истории и культуры» [3, с. 10]. Кроме того, проводилась активная работа по анализу непосредственно местностей, этнографического компонента в частности. Результаты исследований публиковались в журналах, трудах, отчетах.

К сожалению, в конце 1920-х годов начинают фабриковаться «дела краеведов», общества по изучению местностей ликвидируются, периодические издания закрываются. Но говорить, что с этого времени краеведение исчезло, неверно. Вместе с тем оно изменило свои основные принципы. То краеведение, которое было направлено на изучение отдельных местностей, противоречило концепции новой власти и страны, в которой все одинаково, равны, место для уникальности и своеобразия ликвидировано. Акцент был сделан на производственное краеведение, исследование истории колхоза, завода и пр.

Концепция областных культурных гнезд Н.К. Пиксанова — одна из основополагающих в краеведении. Она в

определенной мере продолжает и подводит итог работам областников XIX—XX веков. Ученый писал: «Областничество — это уже не фактическая наличность того или другого местного культурного запаса; это — осознанная тенденция, учет живых местных сил, стремление организовать их к дальнейшему развитию и противопоставить нивелирующему центру» [4, с. 32].

Каждая местность своеобразна. Провинция в целом, так же как и столица, обладает мощным культурным потенциалом. Отдельные города — губернские и уездные (позже областные и районные) — являли уникальные образцы высокого культурного, экономического, политического, духовного развития. Это было обусловлено различными факторами, в некоторых случаях стечением обстоятельств. Но многое зависело от географии места, традиций. Их спецификой определялась особенность «культурного гнезда», которое можно интерпретировать как историко-культурный феномен, маркирующий наличие у конкретной местности высокого культурного потенциала и реальных достижений в области литературы, искусства, градостроительства за счет деятельности незаурядных, творческих личностей и их объединений (кружки, общества, университеты). В данном случае для местности очень важна роль личности. Это доказывается, в частности, тем, что манифест о вольности дворянства (1762) позволил аристократии не служить, а жить в имениях на постоянной основе, появилась возможность их обустроить, развивать, вносить инновации различного характера. В рамках усадьбы владельцы и их архитекторы были творческими личностями, нацеленными на преобразования для себя, своей семьи, крепостных. Так складывались родовые гнезда. Аналогия прослеживается и с областными культурными гнездами, развитие которых определялось уровнем пассионарности личностей.

Важно указать и на обратный процесс. Культурная среда «вращивала» личность. Например, говоря о Ломоносове, Н.К. Пиксанов перечисляет следующие составляющие культурной среды: большое количество монастырей (среди особо почитаемых — Соловецкий и Антониев-Сийский), высокий уровень образования, развито книгопечатание, иконописание; сохраняются старообрядческие традиции; архитектурное искусство, имевшее собственное «лицо»; наследие устной поэзии. С экономической и географической позиций Север был торговым регионом, причем международного уровня; здесь отсутствовало крепостное право. Такими были условия, определившие специфику северного культурного гнезда XVIII века, которые, в свою очередь, оказали влияние на особенности формирования личности [4, с. 20—26].

Н.К. Пиксанов, в частности, анализирует такие культурные гнезда как Ярославское, Воронежское, Иркутское, Саратовское, Самарское и др. [4]. А.А. Севастьянова и В.Н. Козляков, опираясь на его концепцию, рассматривают рязанское культурное гнездо [5]. Интерес представляют также гнезда, «ядро» которых было сосредоточено в университетах, например Казанское, Харьковское, Одесское.

Таким образом, областное культурное гнездо становится средой для развития личностей и различных сфер существования общества. И в то же время это определенная метафора в процессе маркирования культурного уровня местности. Возможно, более точным будет лаконичная интерпретация культурного гнезда как метафорической модели местности.

Здесь стоит подробнее остановиться на понятии «модель». Модель представляет собой теоретически обработанный образ некоего предмета или явления, в котором отражены его основные моменты и главные характерные черты. «Основная функция культурной модели, — пишет А.А. Филатова, — состоит в том, что она предлагает “скоординированную схематизацию” значений, разделяемых всеми субъектами культуры» [6, с. 117].

Исходя из сказанного ранее, можно указать на важные составляющие культурного гнезда — географическое положение, история местности, культурная среда, выдающиеся личности. Более отвлеченно это будет звучать как модель-метафора местности, провинциальной, а не столичной (доминанта отношений — «под», а не «над»), обладающей своеобразными культурными достижениями, которые получены за счет деятельности уникальных творческих личностей, а также благодаря влиянию историко-географического фактора.

Эта модель-метафора «областное культурное гнездо» дает интересную схему для моделирования автономной реальности детства, которую целесообразно использовать в ее переносном значении — без контекста регионоведения и краеведения. Тут важен именно механизм рассматривания местности, формирования его модели.

Прежде чем применить концепцию Н.К. Пиксанова, необходимо кратко охарактеризовать тот феномен, который будет анализироваться в рамках теории областничества, — детство. Мир детства, пишет И.С. Кон, важно представить как «автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями» [7, с. 63].

Итак, Мир детства в силу своего стремления к определенной независимости и автономии, что очень точно концептуально находит воплощение в такой модели как субкультура детства, противопоставлен Миру взрослых. Здесь параллель с концепцией Н.К. Пиксанова выражается в противополжности провинции и столицы. В обоих случаях имеет место псевдolidирующая позиция, которую занимают взрослый и столица. Важно понимать, что ни в том, ни в другом аспекте нельзя говорить о доминанте. Вернемся еще раз к определению областничества: «Областничество — это уже не фактическая наличность того или другого местного культурного запаса; это — осознанная тенденция, учет живых местных сил, стремление организовать их к дальнейшему развитию и противопоставить нивелирующему центру» [4, с. 32]. По сути, это попытка показать себя, свое своеобразие, обратить внимание на то, что не только в «главных» точках есть культурное развитие, оно есть, если проводить параллели,

в Мире детства и в провинции. Миру взрослых, как и столице, пришлось смириться с тем, что в мире детства тоже существует некий стимул к росту и, более того, уникальная самобытная культура. И в том и в другом случае следует вести речь об автономной социокультурной реальности.

Говоря о провинции, об определенном культурном гнезде, важно указать на наличие традиций, которые упреждают отношения в обществе. Согласно определению И.С. Кона, в Мире детства такие традиции также есть. Например, выбор ведущего посредством использования считалок, определенный механизм примирения и т. п.

Но главный компонент — это, безусловно, воплощенный, реализованный культурный потенциал, нашедший выражение в различных феноменах, явлениях, предметах.

Приводя пример проанализированного северного культурного гнезда, важно отметить, что Мир детства содержательно не менее богат. Данный вопрос хорошо изучен В.В. Абраменковой, М.В. Осориной, Т.Д. Попковой и Б.В. Кондаковым, В.А. Зebbеевой, Е.Е. Сапоговой, Н.А. Шуричевой, Н.В. Ивановой, В. Кудрявцевым, Т. Алиевой, Г.К. Уразалиевой¹.

В.В. Абраменкова выделяет следующие составляющие: традиционные народные игры, детский фольклор, детский правовой кодекс, детский юмор, детскую магию и мифотворчество, детское философствование, словотворчество, эстетические представления детей, наделение прозвищами, религиозные представления [8, с. 110—124]. Авторами этих компонентов выступают сами дети путем создания новых форм и жанров или трансформации и адаптации заимствованного из взрослого мира элемента. От уровня творчества, неординарности мышления ребенка зависит характер культурного своеобразия автономной реальности детства.

Аналогичная ситуация прослеживается и в отношении феномена провинции. Так, в культурном контексте в определенной местности может активно развиваться журналистика, публицистика. Н.К. Пиксанов, описывая Ярославское гнездо, указывает, что именно здесь появился первый областной журнал «Уединенный пошехонец».

¹ См.: *Осориная М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 5-е изд. СПб.: Питер, 2010; *Попкова Т.Д., Кондаков Б.В.* Мир детей: мифологический аспект самобытия // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 4; *Zebbеева В.А.* Экологическая субкультура детства // Начальная школа. 2008. № 6; *Zebbеева В.А.* Эколого-субкультурные практики детей дошкольного возраста // Начальная школа плюс до и после. 2011. № 7; *Сапогова Е.Е.* Культурный социогенез и мир детства. М.: Академический Проект, 2004; *Шуричева Н.А.* Субкультуры в социальном опыте младших школьников // Начальная школа. 2011. № 7; *Шуричева Н.А.* Прозвища и клички младших школьников // Начальная школа. 2013. № 10; *Иванова Н.В.* О детской субкультуре // Дошкольное воспитание. 2004. № 4; *Иванова Н.В.* Особенности и значение детской субкультуры // Педагогика. 2005. № 7; *Кудрявцев В., Алиева Т.* Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. 1997. № 3; *Кудрявцев В., Алиева Т.* Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. 1997. № 48; *Кудрявцев В.Т., Уразалиева Г.К.* Социальный и психологический смысл явлений детской субкультуры // Журнал прикладной психологии. 1999. № 1; *Алиева Т.* Ребенок в детско-взрослых общностях: реконструкция смысла поведения // Дошкольное воспитание. 2008. № 10.

Могут создаваться различные общества — литературные, музыкальные и т. д.

Особый интерес в проекции концепции Н.К. Пиксанова на культуру детства представляют творческие люди, способные внести что-то новое, радикальным образом изменить существующий порядок вещей, увлечь других, сплотить вокруг себя круг единомышленников, «зараженных» той же идеей. В этом случае целесообразно использовать теорию пассионарности Л.Н. Гумилева, согласно которой подобные люди обозначены понятием «пассионарии». Он подчеркивает, что одним из важнейших их качеств является пренебрежение чувством самосохранения во имя поставленной цели [9, с. 265].

В Мире детства такие личности также есть. Как правило, это дети, которые занимают позиции лидера в детском сообществе: они выбирают игры, распределяют роли, придумывают новые линии развития игрового сюжета, разрешают возникшие конфликты среди сверстников. Именно за ними следуют другие, даже в случае осознаваемого нарушения правил, установленных родителями (например, не выходить с определенной территории). Можно предположить, что за счет таких детей-пассионариев происходит увеличение образцов детского фольклора, словотворчества и иных компонентов обыденной практики детства.

Так же, как и в провинции, Мир детства в различных местностях обусловлен историко-географическим фактором. Безусловно, климат, рельеф отразится на мировосприятии ребенка и в целом на Мире детства, сделает его различным в разных регионах.

Таким образом, проецируя концепцию областных культурных гнезд Н.К. Пиксанова на Мир детства как на автономное реальное пространство, можно сконструировать новую модель, его выражающую более точно, модель-метафору «культурное гнездо». То есть наряду с потенциальными моделями существования детства — субойкумена, субпространство, субэтнос, субкультура детства [10, с. 59—68] — следует выделить и «культурное гнездо» как еще одну модель. Необходимость в ней обусловлена потребностью показать, что в Мире детства так же, как и в Мире взрослых, есть культурный потенциал, своеобразный, уникальный, находящий выражение в словотворчестве, фольклоре, нормотворчестве и пр.

Как и культуру провинции, культуру Мира детства очень долгое время не воспринимали всерьез, более того, подвергался сомнению сам факт ее существования. Но и провинция, и Мир детства не менее богаты, чем столица и Мир взрослых. В обоих случаях наличествует особая культурная среда, традиции, творческие люди-пассионарии; есть аргументированная основа противопоставления себя центру. Эта последняя тенденция в отношении детства лучше всего отражена в модели «субкультура детства», но ее культурный потенциал — в модели-метафоре «культурное гнездо». Данный вывод следует особенно подчеркнуть. Иными словами, «культурное гнездо» является моделью-метафорой автономной реальности детства,

показывающей наличие уникальной, своеобразной культуры, не менее ценной, чем в Мире взрослых.

Говоря о приемлемости модели «культурное гнездо» в регионоведении, краеведении, а также в культурологии касательно вопроса детства, можно заключить, что актуальна не только сама схема модели, но и в целом концепция областничества Н.К. Пиксанова, поскольку, как уже было указано ранее, на культуру оказывает влияние географический фактор. Соответственно, право на существование имеет предположение о наличии феномена областных культурных гнезд в контексте детства.

Мир детства в проекции идей И.И. Срезневского

Возможно ли рассмотрение данного вопроса в более крупном масштабе?

Здесь вновь необходимо обратиться к общественно-политической мысли и ситуации в России и Европе в XIX веке. Наряду с обозначенными ранее «антикарамзинскими» тенденциями в историографии, нарождавшемуся тяготению к изучению местностей, развитию романтизма, славянофильских идей, происходит и рост национального самосознания, который, как известно, был инициирован, в первую очередь, Отечественной войной 1812 года.

С.Н. Булгаков указывает на необходимость правильной интерпретации национальной идеи: «Национальная идея опирается не только на этнографические и исторические основания, но прежде всего на религиозно-культурные, она основывается на религиозно-культурном мессианизме <...> Такое понимание национальной идеи отнюдь не должно вести к националистической исключительности, напротив, только оно положительным образом обосновывает идею братства народов» [11, с. 65]. В данном отношении следует обратить внимание именно на идею «братства», поскольку во второй половине столетия она стала особенно актуальной. Чем это было обусловлено?

XIX столетие характеризуется высокой степенью развития национально-освободительного движения славянских народов Балканского полуострова против гнета Османской империи. Россия активно поддерживала румын, сербов, черногорцев, греков, болгар в их борьбе за свободу, в связи с чем в 1877—1878 годах вступила в войну с Турцией, которую та проиграла. К сожалению, пересмотр подписанного Сан-Стефанского мирного договора и подписание Берлинского трактата в 1878 году не повлекли коренных изменений в положении этих народов. Теперь оккупантом на территории Балкан была не только Османская империя, но также Австро-Венгрия и частично Англия. Вместе с тем Россия оказала существенную помощь в объединении народов в борьбе за независимость, которую обрели Румыния, Сербия, Черногория и Болгария.

Так, генералу М.Д. Скобелеву, участнику Русско-турецкой войны, по воспоминаниям Василия Ивановича Немировича-Данченко (брата известного театрального

деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко), «было дорого наше народное и славянское дело. Сердце его лежало к родным племенам. Он чувствовал живую связь с ними <...>» [12, с. 6]. Оптимальное же решение сложившейся проблемы полководец видел в следующем: «Будущим идеалом государственного устройства славянских народов был для него (для М.Д. Скобелева. — Е.С.) союз автономий, с громадною и сильною Россией в центре. Все они у себя внутри делай, что хочешь, и живи, как хочешь, но военные силы, таможня, монета должны быть общими. Все за одного, и один за всех» [12, с. 8].

Упоминание политической обстановки того времени необходимо, чтобы показать, в связи с чем было связано развитие национального самосознания соседних с Российской империей государств. Именно в этом контексте особое звучание приобретали такие понятия как национальный язык, чувство, интерес, культура, достоинство.

В данных условиях большую и особую актуальность и востребованность имели исследования И.И. Срезневского — русского филолога, слависта, лексикографа, палеографа. Путешествуя он собрал уникальный материал исторического, этнографического, диалектологического характера, записал большое количество образцов фольклора малоизвестной культуры славянских земель. Его экспедиция продолжалась три года — с 17 сентября 1839 года по 23 сентября 1842 года [13, с. 19]. Ученый зафиксировал примеры языковых конструкций повседневной речи, диалектических оборотов, фольклора и, соответственно, специфику миропонимания, религиозных воззрений, обыденной практики. Также исследователь учился народным танцам, делал зарисовки различных типов жилищ, национальной одежды.

Следует подчеркнуть, что в самих образцах порой главным мотивом являлась именно идея борьбы. Так, А.И. Рогов, изучая данную проблему в литературе и публицистике славянских народов, констатирует ее присутствие уже в XIV веке; в большей степени она имела характер «горькой боли об утраченном величии и свободе» [14, с. 237]. В последующие века мысль о сопротивлении приобрела более оформленный характер. А.И. Рогов пишет: «В болгарской письменности XV—XVI веков повествуется прежде всего о сопротивлении исламизации, лишившей народ языка, традиций, связи с прошлым, надежды на самостоятельное будущее» [14, с. 237]. Можно с уверенностью предположить, что подобные размышления присутствовали и в обыденной народной практике — песнях, преданиях, сказках и т. п. Как пишет Г.А. Богатова, И.И. Срезневский особенно подчеркивал: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может <...>» (цит. по: [15, с. 43]).

Важно обратить внимание на следующий факт: И.И. Срезневский собирал материал народов, которые юридически еще не имели прав на свой язык, традицию, территорию, более того, они не были выделены как самостоятельные народы. Так, в отношении словаков отсутствовало их официальное признание, что академик не поддерживал.

Как указывает Г.А. Богатова, Срезневскому рекомендовали составить свою карту расселения славян, а не методично следовать имеющимся картам (в частности, карте П.И. Шафарика), поскольку ряд славянских поселений вообще не был известен науке [15, с. 29]. Это очень смелый и рискованный шаг в научном и политическом вопросе, это подвиг настоящего Человека, внесшего большой вклад в формирование национального самосознания народов.

В данной проекции позиции И.И. Срезневского, думается, стоит увеличить масштаб анализа проблемы культурного потенциала Мира детства без доминанты исключительности Мира взрослых, по аналогии с концепцией областничества Н.К. Пиксанова «провинция — столица». Для решения поставленной задачи стоит обозначить параллель между «Миром детства» и «государством» как социальным институтом.

Идея об особенностях детства проходила долгий путь эволюции, пока не трансформировалась в XX веке в концепцию детоцентризма, стимулировавшую принятие Конвенции о правах ребенка, а затем и ряда других документов, юридически закреплявших права детей. Более того, в 1960—1970-х годах, согласно данным М.В. Осориной, сформировался феномен субкультуры детства. «Приставка “суб-”, — пишет исследовательница, — означает ее подчиненное положение, поскольку детская субкультура является одной из составляющих большой культурной системы, где доминируют взрослые². Однако детская субкультура относительно автономна, представляя собой государство в государстве (курсив мой. — Е.С.) <...> Для детского мира характерно и прямо противоположное желание противостоять напору и давлению авторитарного мира взрослых <...> В детской субкультуре присутствует желание отделиться, противодействовать миру взрослых, сохранить наиболее важное в тайне, быть неподнадзорной» [16, с. 331—332]. Иными словами, М.В. Осорина сравнивает субкультуру детства с государством, стремящимся к автономизации, самостоятельности, имеющим право на свой язык, традиции, нормы.

В некоторой степени можно проследить аналогию с вышеописанной ситуацией на Балканах в середине XIX века. Безусловно, нельзя интерпретировать данную параллель буквально; детская субкультура ни в коей мере не несет деструктивного начала. Это попытка в указанном ракурсе показать ее высокий культурный потенциал (что доказано в рамках концепции областничества Н.К. Пиксанова); она открывает возможность противопоставить Мир детства и Мир взрослых и вывести детский мир из-под «ига» взрослого мира, утвердить его право на независимость, «государственность» с присущими ей чертами и составляющими элементами. При этом данная аналогия станет подтверждением мнения И.С. Кона о субкультуре детства как об автономной реальности детства.

Целесообразно подчеркнуть и следующее общее обстоятельство: и в том и в другом случае сбор матери-

² Ранее в статье данное утверждение было подвергнуто сомнению. — Е.С.

алов осуществлялся задолго до официального признания народов, государств и самой субкультуры детства. Данный процесс можно показать на примере поиска и изучения образцов детского фольклора. Обращение к этому компоненту обыденной практики обусловлено стремлением установить некоторую аналогию с поисковой деятельностью слависта И.И. Срезневского, а также рассмотреть фольклор как составляющую детского «государства».

Ф.С. Капица и Т.М. Колядич указывают, что внимание к детскому фольклору проявилось позднее по сравнению с интересом к изучению других жанров народного творчества. Прежде чем детский фольклор получил научное признание, его необходимо было осмыслить как художественную ценность, самобытную составляющую крестьянской жизни. Своеобразной точкой отсчета можно считать 1868 год, когда П.В. Шейн предложил методические рекомендации по выявлению образцов этого вида фольклора [17, с. 11]. Началась их запись и публикация. К «коллекционерам» детского фольклора Ф.С. Капица и Т.М. Колядич относят И.П. Сахарова, А.В. Терещенко, Е.А. Авдееву. Позже детский фольклор выделяется как самостоятельное направление, обнаруживается его большой воспитательный потенциал. В связи с этим он стал использоваться в педагогических целях Л.Н. Толстым, К.Д. Ушинским [17, с. 12—17]. Непосредственно научное изучение детского наследия ученые связывают с началом публикации колыбельных песен в 1911 году [17, с. 14].

Примечательно, что и в отношении методики сбора детского фольклора на территории Российской империи, и в вопросе фиксирования образцов фольклора И.И. Срезневским в славянских землях обнаружилась одинаковая проблема: необходимо ли подвергать редакции записанный материал? В обоих случаях тексты сначала публиковались с заметными изменениями, авторскими дополнениями. Так, упомянутые выше собиратели и В.И. Даль вносили значительные поправки в образцы детского фольклора. И.И. Срезневский, если проводить аналогию, также в начале своего научного пути пользовался тем же методом (главным образом, это выразилось в издании «Запорожской старины»). Однако по мере того как выработывались принципы собирания, обработки и публикации детского фольклора его образцы стали выходить в свет без искажений — в работах А.Н. Афанасьева, П.А. Бессонова, П.В. Шейна [17, с. 17—20].

И.И. Срезневский также приходит к аналогичному выводу: «Записывать все такие памятники надобно не только дословно, не подменяя слов и выражений ни для полноты, ни для красоты фраз, но и вполне сообразно с выговором народным, не теряя из виду того, что иная пословица, песня, сказка занесена из одного края в другой и сохраняет — в противность общему говору народа — местный колорит наречия того края, из которого вынесена» (цит. по: [15, с. 52]).

С начала XX века, как пишут Ф.С. Капица и Т.М. Колядич, происходит активный процесс поиска методики

научного сбора детского фольклора, его классификации, интерпретации такими деятелями, как В.Г. Богораз, А.И. Никифоров, Е.А. Звегинцев, Г.С. Виноградов, О.И. Капица [17, с. 22—31]. Стали осуществляться научные экспедиции по сбору фольклора, в том числе детского. Так, в 1920-е годы Государственным институтом истории искусств был организован поиск материала на Русском Севере — в Заонежье (1926), на Пинеге (1927) и Мезени (1928) [18].

Как можно видеть, детский фольклор постепенно приобрел статус самостоятельного и жанрово разнообразного (дрозилки, заклички, загадки, считалки, песни, сечки, голосаки и т. п.) направления устного народного творчества. Возникший в XIX веке интерес к детскому фольклору со временем привел к его научному познанию, унификации методов фиксирования, интерпретации материала; упрочилось отношение к детскому фольклору как к важному элементу повседневной практики детства, отражавшей специфику детского мышления и мировосприятия.

Г.А. Богатова, говоря о И.И. Срезневском, приводит следующие восторженные слова академика, своего современника: «Человек этот совершает подвиг европейский: от Балтийского моря и до Адриатического изучает он славянские племена, их наречия, обычаи, песни, предания и большею частью пешком по деревням и проселочным дорогам <...> Он будет обладателем богатейших фактов, с помощью которых и объяснится, наконец, наша народная физиономия» (цит. по: [15, с. 31]).

Собирание же детского фольклора, организация экспедиций, по сути, происходили в рамках решения аналогичной задачи — изучения «физиономии» ребенка, его картины мира. Это во многом предопределило и ускорило процесс развития детоцентризма в XX веке, оказалось важным аргументом в признании детского мира как особого, уникального феномена, который характеризуется стремлением к автономии, независимости, противопоставлению себя Миру взрослых. Данная специфика находит наиболее точное выражение в такой модели автономной реальности детства как субкультура детства. Ее условно можно сравнивать с государством, стремящимся к самостоятельности, имеющим право на свой язык, традиции, нормы и выражающим в фольклоре свою «национальную идею», «национальную культуру» — идею Детства.

Таким образом, во-первых, концепция Н.К. Пиксанова демонстрирует универсальность, востребованность не только в краеведении, но и в культурологии применительно к проблеме детства. Эта теория позволила создать новую модель автономной реальности детства — «культурное гнездо» (модель-метафору), а также показать ее областной характер, самобытность каждого гнезда в различных местностях.

Во-вторых, эта теория показывает: как провинция не уступает по своему культурному потенциалу столице, так и Мир детства не может быть дискриминирован Миром

взрослых. Мир детства обладает уникальным содержанием, требующим внимания, уважения, изучения.

В-третьих, стремление к автономии, независимости, самостоятельности Мира детства, находящее выражение в такой модели автономной реальности детства как субкультура детства, позволяет провести аналогию с государством как социальным институтом. Это дает возможность показать масштаб культурного потенциала детской практики.

Сравнивая развитие национального самосознания народов Балканского полуострова на основе деятельности И.И. Срезневского по изучению им языков славянских народов, их устного народного творчества и повседневной жизни, можно сделать следующий вывод: история детского фольклора как самостоятельной сферы фольклористики развивалась в аналогичном направлении — в стремлении к независимости от Мира взрослых, к праву на свой язык, традиции, нормы.

Список литературы

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А.С. Курилова. — М.: Современник, 1981.
2. Шмидт С. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. — М.: Профиздат, 1990.
3. Гревс И. История в краеведении // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 2. — М.: Профиздат, 1991.
4. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. — М.; Л.: ГОСИЗДАТ, 1928.
5. Козляков В.Н. Рязанское культурное «гнездо» // Провинциальное культурное гнездо (1778—1920-е годы) / отв. ред. А.А. Севастьянова. — Рязань, 2005.
6. Филатова А.А. Когнитивные формы культуры. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009.
7. Кон И.С. Ребенок и общество. — М.: Академия, 2003.
8. Абраменкова В.В. Социальная психология детства. — М.: ПЕР СЭ, 2008.
9. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: АСТ, 2002.
10. Суворкина Е.Н. Субкультура детства как модель автономной реальности детства // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. — 2012. — № 3.
11. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. — М.: Новости, 1990.
12. Немирович-Данченко В.И. Скобелев. — М.: Военное издательство, 1993.
13. Колгушкина Н.В. Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России. — Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2011.
14. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV — XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений / редкол.: И.Б. Греков (отв. ред.) и др. — М.: Наука, 1984.
15. Богатова Г.А. И.И. Срезневский. — М.: Просвещение, 1985.
16. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. — СПб.: Питер, 2011.
17. Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор. — М.: Флинта; Наука, 2002.
18. Неизданные материалы экспедиций на Русский Север, 1926—1928 гг. Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. М.Н. Власовой. — СПб.: Пушкинский Дом, 2011.

[...предзащита]...

УДК 792.5(470+571)«18»
ББК 85.33(2)1

С.Б. ВОЙТКОВСКИЙ

ОПЕРНЫЙ ТЕАТР В РОССИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА: НОВОЕ ВРЕМЯ — НОВЫЕ ЗАДАЧИ — НОВЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ

Анализируется общественно-политическая и культурная жизнь России последней трети XIX века. Выявляется прямая зависимость изменений в художественной практике оперного театра от роста общественного внимания к культуре и искусству. Раскрывается значение творческих достижений И.П. Прянишникова, С.И. Мамонтова и С.И. Зимина в развитии русского оперного театра.

Ключевые слова: общественность, промышленность, монополия, композиторы, шедевры, целостность спектакля, приоритет, механизм, режиссер, покровители, задачи, феномен.

Реформа 1861 года стала главным событием истории отечества в XIX веке. С развитием экономики и реформ в управлении увеличивалось количество лиц, занятых в государственном аппарате, расширялась сеть железных дорог, промышленных предприятий, развивалось дорожное строительство, возникали новые торговые

фирмы. Возросло число образованного населения; потребность в квалифицированных кадрах вызвала увеличение числа лиц, работающих в органах просвещения. Контингент чиновничества, служащих, работников просвещения, медицины, инженерного персонала, журналистов и художников обещал достаточное количество